

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ / DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0101>
УДК/UDK 159.923, 159.9.07

Профиль саморегуляции и социальной активности в портрете учащейся российской молодежи

О.В. Бубновская¹✉, В.В. Калита², А.В. Лысова³, М.Л. Соколовский⁴

¹ Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

² Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), Москва, Российская Федерация

³ Университет Саймона Фрейзера, Ванкувер, Канада

⁴ Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

✉ bubnovskaia.ov@dvcfu.ru

Резюме

Актуальность. Актуальность изучения социальной активности молодежи в контексте саморегуляции определяется уязвимостью молодых людей в сложных условиях трансформирующегося общества, подверженного неопределенности. Через социальную активность молодежь социализируется, проявляет себя в ее различных формах, в связи с чем необходимо понимать факторы, мотивы вовлеченности и препятствия реализации, а также риски и угрозы безопасности и благополучию.

Цель. Определить роль саморегуляции в вовлеченности молодежи в социальную активность с учетом региональной и половой специфики.

Выборка. В исследовании приняли участие 1492 респондента ($M_{\text{возраст}} = 19,2$; 1013 — девушки), студенты различных направлений подготовки из российских регионов.

Методы. Для сбора данных использован опросный дизайн с применением методик «Стиль саморегуляции поведения — ССМП» В.И. Моросановой и диагностики структуры социальных установок Г. Айзенка, опросника межличностных отношений В. Шутца, Британской шкалы благополучия, шкал привлекательности российских партий и общественно-политических организаций, оценки интенсивности социальных контактов и участия в мероприятиях, неформальных объединениях и спонтанных событиях, а также социально-демографической анкеты. Для обработки данных применены методы описательной статистики, кластерного (метод k-средних) и сравнительного (t-Стюдент и H-критерий Краскела — Уоллиса) анализа.

Результаты. Установлено, что ведущими регуляторными процессами и свойствами в профиле саморегуляции молодых людей являются настойчивость, программирование действий и гибкость. Саморегуляция в большей степени связана с такими формами социальной активности молодежи, как досуговые мероприятия, участие в клубах и кружках, спонтанных и неформальных событиях в роли организатора этих форм с преобладающей значимостью для девушек.

Выводы. Исследование показало типичность профиля саморегуляции молодежи, ее обусловленность возрастной спецификой. Ограниченное влияние процессов и свойств саморегуляции на формы социальной активности, особенно в отношении юношей, говорит о необходимости учета комплекса факторов социальной активности при их рассмотрении.

Ключевые слова: саморегуляция, безопасность и благополучие, молодежь, студенчество, социальная активность, региональная и гендерная специфика

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке в рамках реализации договора пожертвования денежных средств от 19.05.2022 № Д-156-22 Фонда целевого капитала ДВФУ на финансирование проектов-победителей открытого конкурса поддержки исследовательских и прикладных проектов на период с 07.02.2022 по 31.12.2024 Школы экономики и менеджмента ДВФУ из дохода от доверительного управления целевым капиталом «Стратегические проекты ДВФУ», тема проекта «Безопасный кампус: разработка системы мониторинга вовлеченности в девиации и межличностное насилие в контексте благополучия студенчества».

Для цитирования: Бубновская, О.В., Калита, В.В., Лысова, А.В., Соколовский, М.Л. (2024). Профиль саморегуляции и социальной активности в портрете учащейся российской молодежи. *Национальный психологический журнал*, 19(1), 11–22. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0101>

Profile of Self-Regulation and Social Activity in the Portrait of Russian Youth

Olesia V. Bubnovskaia¹✉, Vitaliy V. Kalita², Alexandra V. Lysova³, Maksim L. Sokolovskii⁴

¹Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

²Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky, Moscow, Russian Federation

³Simon Fraser University, Vancouver, Canada

⁴North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

✉ bubnovskaia.ov@dvfu.ru

Abstract

Background. The relevance of studying the social activity of young people in the context of self-regulation is determined by the vulnerability of young people in difficult conditions of a transforming society subject to uncertainty. In social activity, young people socialize, manifest themselves, and therefore it is necessary to understand its factors, motives for inclusion in one or another of its forms, obstacles to its implementation, as well as risks and threats to the safety and well-being. **Objectives.** The aim is to establish the role of self-regulation in the involvement of young people in social activity, considering regional and gender specifics.

Study Participants. This study involved 1492 respondents ($M_{age} = 19.2$; 1013 women), students of various majors from Russian regions.

Methods. The research had a survey design, the questionnaires and scales were used in this work for collecting data: V.I. Morosanova's "Style of self-regulation of behavior", Eysenck's three-factor model, FIRO-B, British scale of well-being, Scale of Russian parties and socio-political organizations attractiveness, Assessment of social contacts intensity and participation in events, and informal associations, a socio-demographic survey. Methods of descriptive statistics, cluster (k-means method) and comparative (t-Student and H-Kraskel-Wallis criterion) analyses were used for data processing.

Results. It is established that the leading regulatory processes and properties in the profile of self-regulation of young people are persistence, programming of actions, and flexibility. Self-regulation has a greater impact on such forms of social activity of young people as leisure activities, participation in clubs, spontaneous events as the organizer of these forms with a predominant value for girls rather than for boys.

Conclusions. The study showed the typical features of the self-regulation profile of young people. This profile is mostly conditioned by the age specifics of this social group. The limited influence of the processes and properties of self-regulation on the forms of social activity, especially in relation to young men, suggests the need to consider other factors of social activity in a complex.

Keywords: self-regulation, safety and well-being, youth, students, social activity, gender and regional specifics

Funding. This study has been supported as part of the implementation of the donation agreement No. D-156-22 of the FEFU Endowment Fund dated 05/19/2022 to finance projects-winners of the open competition for the support of research and applied projects for the period from 07.02.2022 to 12/31/2024 of the School of Economics and Management (FEFU) from the income from the trust management of the target capital "Strategic projects of FEFU" (The intended purpose is the donation of the public stock company SBER for the development of SEM), the project "Safe Campus: development of a system for monitoring involvement in deviations and interpersonal violence in the context of the well-being of students".

For citation: Bubnovskaia, O.V., Kalita, V.V., Lysova, A.V., Sokolovskii, M.L. (2024). Profile of Self-Regulation and Social Activity in the Portrait of Russian Youth. *National Psychological Journal*, 19(1), 11–22. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0101>

Введение

Одним из важных индикаторов оценки многих процессов в обществе, в том числе социальной активности, является безопасность и благополучие людей (Low, 2017), качество их жизни. Усиление неопределенности и социальной напряженности, обусловленное вызовами среды, например, пандемия, влекут за собой появление различных стрессоров, новых рисков, к которым особенно уязвима молодежь (Choi et al., 2019). Для успешной адаптации в условиях

сложной среды необходима развитая саморегуляция, согласованные процессы и свойства которой способствуют выработке гибкой модели поведения (Bubnovskaia et al., 2020).

В исследованиях социальной активности молодежи рассматриваются проблемы ее форм, выявляются факторы и структуры мотивов, методы оценки и технологий повышения вовлеченности молодежи, анализируются ценности и мировоззренческие основания поведения (Щемелева, 2019; Пилипенко, 2020). К факторам, детерминирующим направленность социальной активности, можно отнести неудовлет-

воренность потребности в связанности с другими, влияющей на субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью и переживание счастья (Шамионов, 2020, с. 180), а также возраст, пол, уровень образования и социальные характеристики (Усова, 2019, с. 17). Так, для молодежи наиболее предпочтительными являются досуговая, интернет-сетевая, образовательно-развивающая, социально-экономическая и духовная активности, наименее — политическая, религиозная, протестная, радикальная, а также альтруистическая и гражданская (Усова, 2019; Шамионов, 2020).

Фиксируется ограниченность распространения социальной активности молодежи территорией и регионом, обусловленная «неготовностью отвечать за страну» (Костина и Орлова, 2022, с. 137), и нацеленность на участие в кратковременных акциях (петиции, разовый митинг) вместо системных действий (голосование на выборах, длительные социальные проекты). Это связано в том числе с тем, что молодежь в социальной активности делает акцент на самореализации и самопрезентации, а не на влиянии на общественные процессы, поэтому у молодых людей преобладают индивидуалистские практики деятельности с превалированием инструментальных и гедонистических ценностей (Пилипенко, 2020, с. 276).

В качестве основных типов студенческой молодежи по мотивам и уровню социальной активности можно выделить «потенциальных» и «экспансивных» акторов как наиболее социально активных людей, руководствующихся внутренними мотивами, а также «формальных/символических» и «пассивных» акторов как пассивную молодежь, вовлекающуюся в деятельность по внешним мотивам (Щемелева, 2019).

Регуляторные процессы и свойства у молодежи в контексте социальной активности изучаются в связи с ролью социокультурных и смысловых основ саморегуляции (Зубок и др., 2021; Zubok et al., 2021), активизацией молодежи в общественно-политическом пространстве, ее жизненными стратегиями в разных сферах (Zubok, Chuprov, 2020), отклоняющимся поведением (Fine et al., 2018; Yeo et al., 2020; Shafiq, Batool, 2022), безопасностью, благополучием (Arslan, 2018; Palacios-Barrios, Hanson, 2019; Bubnovskaia et al., 2020), здоровьем (Bauer et al., 2020; Peters et al., 2022), пандемией (Song, Lee, 2021), ресурсами жизнестойкости и развития (Gomez-Baya et al., 2020; Valenzuela et al., 2020; Napolitano et al., 2020; Linver et al., 2021; Gestsdottir et al., 2022; Mertens et al., 2022; Lee et al., 2021).

Цель исследования состоит в оценке роли саморегуляции как фактора социальной активности учащейся молодежи с учетом региональной и половой специфики.

В исследовании будут проанализированы выраженность саморегуляции у молодежи с учетом социально-демографических параметров, межличностных взаимодействий, социальной и политической активности, региональной специфики (кластерный анализ), а также различия в профиле саморегуляции

с учетом пола и выделенных кластеров. Это позволит получить представление о профиле саморегуляции и социальной активности молодежи, его особенностях.

Мы предполагаем, что роль саморегуляции как фактора социальной активности учащейся молодежи проявляется в более тесных связях интенсивности участия в ее различных формах с регуляторными процессами, чем с личностно-регуляторными свойствами.

В качестве социальной активности в работе рассматривается оценка респондентами ее уровня и интенсивности социальных контактов (общительность), включенность в роли участника и организатора в деятельности клубов, волонтерские, политические мероприятия, религиозную активность, неформальные объединения, спонтанные события и досуговые мероприятия (в коллективе, семье, с друзьями).

Комплексный анализ социальной активности с учетом связей личностных, региональных и иных факторов не является достаточно разработанным, что определяет новизну и актуальность исследования.

Методы исследования

Для сбора данных применялись: методика «Стиль саморегуляции поведения — ССМП 2020» (Морсанова, Клондратюк, 2020); Методика диагностики структуры социальных установок (Айзенк, Вильсон, 2000); Опросник межличностных отношений (Фетискин и др., 2002); Шкала привлекательности российских партий и общественно-политических организаций, оценка интенсивности социальных контактов и участия в досуговых, клубных, волонтерских мероприятиях, неформальных объединениях и спонтанных событиях. Для оценки показателей благополучия и удовлетворенности жизнью задействовались Британская шкала благополучия (ответы на вопросы «Насколько Вы удовлетворены Вашей жизнью в целом за последнее время?», «По Вашим ощущениям, насколько важно то, что Вы делаете в жизни?», «В целом, насколько счастливым Вы себя чувствовали вчера?», «В целом, насколько сильно вчера Вы испытывали чувство тревоги?» (Vander Weele et al., 2021).

Для выявления социально-демографических характеристик и региональных предикторов использовались данные о месте проживания, половой, национальной и религиозной принадлежности.

Для обработки данных применялись методы описательной статистики, кластерного (метод k-средних, SPSS Statistics 23) и сравнительного (t-Стьюдент и H-критерий Краскела — Уоллиса, Python) анализа.

Для определения количества кластеров предварительно проведен на случайной выборке (n = 242) иерархический кластерный анализ, для которого отобраны переменные, включающие социальные установки, общественно-политические ценности, оценку привлекательности российских политических партий и роли политических институтов в решении

ключевых политических вопросов, ответы на вопрос о желательной кандидатуре будущего президента, оценку идеологической принадлежности политических предпочтений, оценку межличностных отношений, социальной активности и уровня общительности, роли участника и организатора в различных формах социальной активности, оценку собственной групповой принадлежности (лояльная или протестная, пассивная или активная молодежь), отношение к религии, ответы на вопросы об удовлетворенности жизнью, ежемесячных расходах, кредитах, семейном положении.

В качестве меры расстояния между кластерами установлено евклидово расстояние (Савченко, 2008), анализ проведен с помощью метода межгрупповой связи. В результате иерархического кластерного анализа выделено 7 кластеров (как разница между количеством наблюдений и количеством шагов, после которого коэффициент расстояния между двумя кластерами увеличивается скачкообразно). Далее осуществлен кластерный анализ методом k-средних ($n = 1492$) с определением количества и объема кластеров ($n_1 = 208$; $n_2 = 232$; $n_3 = 176$; $n_4 = 224$; $n_5 = 252$; $n_6 = 148$; $n_7 = 252$).

Выборка

В исследовании участвовала молодежь из семи российских регионов ($n = 1492$, девушки — 1013, юноши — 479, средний возраст — 19,2): Ставропольский край (СК, $n = 218$, юноши — 81, девушки — 137, средний возраст — 19,2), Северная Осетия (СО, $n = 201$, юноши — 18, девушки — 183, средний возраст — 18), Карачаево-Черкессия (КЧ, $n = 186$, юноши — 42, девушки — 144, средний возраст — 20,4), Кабардино-Балкария (КБ, $n = 207$, юноши — 112, девушки — 95, средний возраст — 20,8), Москва и Московская область (МиМО, $n = 209$, юноши — 59, девушки — 150, средний возраст — 18,5), Сибирский федеральный округ (СФО, $n = 278$, юноши — 64, девушки — 214, средний возраст — 18,8), Дальневосточный федеральный округ (ДФО, $n = 193$, юноши — 67, девушки — 126, средний возраст — 19,2).

Результаты исследования

Анализ саморегуляции и социальной активности молодежи

Исходя из описательной статистики относительно переменных саморегуляции и социальной активности, а также их значений по выделенным кластерам с учетом социально-демографических характеристик, наиболее выраженными во всей выборке и с учетом пола являются регуляторные свойства настойчивости и гибкости (1 и 3 место — вся выборка и юноши, 2 и 3 место — девушки) и процессы программирования (2 место — вся выборка, юноши, 1 место — девушки).

Среди форм социальной активности лидируют относительно роли участника: досуг с друзьями, в семье и в коллективе (вся выборка, юноши), спонтанные события (вся выборка и девушки), роли организатора — досуг с друзьями, в семье и спонтанные события (вся выборка и с учетом пола). Наименьший интерес у молодежи вызывают такие формы активности, как политическая и религиозная, о чем свидетельствует их меньшая выраженность.

Согласно полученным результатам, *первый кластер* составляет политически активная, ищущая, лояльная Президенту, нерелигиозная молодежь, с выраженными установками социального равенства, общительностью и потребностями в межличностных отношениях с преобладанием инициативной позиции в установлении близких отношений и контроля на фоне удовлетворенностью жизнью. Для их саморегуляции в большей степени характерны настойчивость (4,07), программирование действий (3,91), при которых человеку бывает трудно отказаться от принятого решения, отступить от начатого, что может скорректировать гибкость (3,89), как способность перестроить систему саморегуляции в быстро меняющихся условиях, адаптируя планы и программы поведения и успешно решая поставленную задачу в ситуации риска.

Второй кластер — это относительно лояльная, политически пассивная молодежь с протестным сегментом и толерантными социальными установками, с приоритетом исполнительской позиции и роли участника при средней выраженности социальной активности, общительности и межличностных потребностей. Для саморегуляции поведения кластеру 2 в большей степени свойственны программирование действий и настойчивость (3,68 и 3,67 соответственно), как продумывание способов своих действий и поведения, организация работы по достижению выдвинутой цели и контроль при возможной ригидности в ситуации необходимости отказаться от принятого решения, но при этом и гибкости (3,56, разница — 0,11), как способности менять планы и программы исполнительских действий и поведения, адекватно реагируя на изменения. Надежность занимает низшую позицию (2,45), характерную и для всей выборки.

Третий кластер представлен относительно лояльной и пассивной молодежью с интересом к политике и общению, с наличием протестности и толерантности, при доминировании инициативной позиции относительно межличностных потребностей (особенно в контроле и аффекте). Для респондентов кластера 3 в большей степени характерна настойчивость, компенсируемая гибкостью (3,86 и 3,79 соответственно), как последовательность в действиях с возможностью выработки адекватных реакций на изменения среды, и программирование действий (3,68), как потребность все продумывать для достижения намеченных целей, разрабатывая детализированные и развернутые программы действий и поведения.

Четвертый кластер включает политически индифферентную, относительно лояльную религиозную молодежь со значимостью семьи и паритетом между инициативностью и исполнительностью, характеризующаяся пассивной протестностью на фоне неудовлетворенности жизнью, снижения уровня общительности и потребностей в межличностных отношениях. В саморегуляции поведения молодежи кластера 4 в большей степени выражены программирование действий (профиль с доминированием оценок по данной шкале с небольшим отрывом характерен только для кластеров 2 и 4) и настойчивость (3,3 и 3,24 соответственно). Человеку с высокими показателями по этим шкалам может быть трудно отказаться от принятого решения даже под давлением извне, его решения и способы достижения цели часто хорошо продуманы, альтернативные варианты проанализированы, а отступления от начатого дела достаточно редки. Выраженность шкалы гибкость находится на третьем месте (30,4, минимальный балл в выборке, разница — 0,2), что может помочь молодежи при необходимости изменить свои действия и поведение.

Пятый кластер — лояльная, политически индифферентная и пассивная молодежь с принципами социального равенства, справедливости и толерантности при умеренной досуговой и спонтанной активности и низкой выраженности потребностей в создании, поддержании и сохранении удовлетворительных межличностных отношений. Саморегуляцию поведения респондентов кластера 5 в большей степени характеризуют настойчивость и программирование действий (3,5 и 3,48 соответственно), а также гибкость (3,24, разница — 0,24). Средние позиции в кластере заняли моделирование значимых условий достижения целей и оценивание результатов (3,07 и 3,01 соответственно), а также планирование целей (2,99). Несмотря на низшую позицию шкалы надежность (2,62), она получила максимальный балл относительно выборки.

Шестой кластер — поддерживающая Президента, преимущественно лояльная молодежь, с наличием установок социального равенства, протестной и радикальной активности, паритетом между активно-

стью и пассивностью, приоритетом ведущей позиции в межличностных отношениях, при доминировании потребности в аффекте и выраженности чувства тревоги. Для картины саморегуляции кластера, схожей и с другими кластерами, в большей степени характерны настойчивость и программирование действий (3,68 и 3,65 соответственно), а также гибкость (3,49, разница — 0,16), при минимальном балле — у надежности (2,44, что близко к кластеру 1 с минимальным значением в выборке). Средние позиции занимает оценивание результатов и планирование целей (3,2 и 3,13 соответственно), как и в кластерах 1 и 2. Шкала моделирование значимых условий достижения целей имеет минимальный по сравнению с другими кластерами балл (2,96), за исключением кластера 4 с близким значением (2,97).

Седьмой кластер составляет пассивная, относительно лояльная молодежь со стереотипными политическими симпатиями и наличием протестных, атеистических и толерантных установок, со средней социальной активностью и общительностью при невысокой выраженности межличностных потребностей, с преобладанием роли ведомого — в аффекте и ведущего — во включенности и контроле. В профиле саморегуляции лидируют настойчивость и программирование действий (3,62 и 3,59 соответственно), а также гибкость (3,41, разница — 0,18); надежность (2,56) при этом занимает низшую позицию. Средние места представляют моделирование значимых условий достижения целей, планирование целей и оценивание результатов (3,2, 3,11 и 2,97 соответственно), что характерно и для кластера 4.

Полученные результаты подтверждает и региональный анализ, в соответствии с которым настойчивость, программирование действий и гибкость входят в тройку лидеров по уровню выраженности во всех регионах с низкими значениями надежности в профиле саморегуляции молодежи.

Анализ различий саморегуляции в разрезе кластеров

По результатам статистического анализа уровня выраженности процессов и свойств саморегуляции по кластерам можно говорить о наличии значимых различий (Н-критерия Краскела — Уоллиса, Таблица 1).

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа саморегуляции поведения по кластерам, Н-критерий Краскела — Уоллиса

Кластер	Регуляторные процессы и свойства****, значение критерия с указанием p-value						
	ПЛ	МУЦ	ПД	ОЦ	ГБ	НД	НС
	n 1						
n 2	0,804	4,938*	7,463**	3,133	22,544***	0,026	32,643***
n 3	1,285	0,000	5,173*	3,648	1,428	0,367	6,637**
n 4	12,177***	9,436**	66,147***	32,969***	99,682***	4,519*	111,657***
n 5	7,786**	2,504	38,309***	13,958***	67,228***	7,698**	69,906***
n 6	1,214	8,542**	13,799***	1,585	21,764***	0,025	29,011***

Кластер	Регуляторные процессы и свойства****, значение критерия с указанием p-value						
	ПЛ	МУЦ	ПД	ОЦ	ГБ	НД	НС
n 7	1,436	0,000	19,158***	14,042***	42,845**	2,071	42,675***
n 2							
n 3	4,033*	3,923*	0,024	0,034	9,742**	0,240	6,033*
n 4	6,598**	1,092	30,513***	15,221***	44,856***	3,839	35,182***
n 5	3,349	0,718	11,214***	3,091	18,259***	7,078**	7,877**
n 6	0,060	1,186	1,295	0,245	0,297	0,005	0,147
n 7	0,098	6,332*	2,658	3,785	5,403	1,845	0,882
n 3							
n 4	19,976***	7,133**	24,485***	11,161***	68,426***	1,533	55,463***
n 5	14,640***	2,093	8,992**	1,447	41,630***	3,283	24,467***
n 6	4,649*	6,681**	1,102	0,569	10,619***	0,147	6,299*
n 7	4,911*	0,003	2,159	2,438	23,691***	0,500	10,633***
n 4							
n 5	0,896	3,972*	8,132**	7,486**	6,735**	0,12	14,239***
n 6	4,765*	0,119	19,625***	19,256***	27,527***	2,811	26,763***
n 7	4,726*	12,893***	19,179***	4,240*	23,062***	0,622	27,688***
n 5							
n 6	2,185	3,695	3,930*	5,289*	9,773**	4,941*	4,180*
n 7	1,993	3,774	3,179	0,184	4,935*	1,791	3,500
n 6							
n 7	0,006	10,663***	0,106	5,613	1,899	1,291	0,208

*p ≤ 0,05, **p ≤ 0,01, ***p ≤ 0,001

****ПЛ — Планирование целей, МУЦ — Моделирование значимых условий достижения целей, ПД — Программирование действий, ОР — Оценивание результатов, ГБ — Гибкость, НД — Надежность, НС — Настойчивость

Table 1
Results of comparative analysis of behavior self-regulation by clusters, Kraskel — Wallis H-criterion

Clusters	Regulatory processes and properties****, t and p-value						
	PG	MSC	PA	ER	FL	RL	PC
n 1							
n 2	0.804	4.938*	7.463**	3.133	22.544***	0.026	32.643***
n 3	1.285	0.000	5.173*	3.648	1.428	0.367	6.637**
n 4	12.177***	9.436**	66.147***	32.969***	99.682***	4.519*	111.657***
n 5	7.786**	2.504	38.309***	13.958***	67.228***	7.698**	69.906***
n 6	1.214	8.542**	13.799***	1.585	21.764***	0.025	29.011***
n 7	1.436	0.000	19.158***	14.042***	42.845**	2.071	42.675***
n 2							
n 3	4.033*	3.923*	0.024	0.034	9.742**	0.240	6.033*
n 4	6.598**	1.092	30.513***	15.221***	44.856***	3.839	35.182***
n 5	3.349	0.718	11.214***	3.091	18.259***	7.078**	7.877**
n 6	0.060	1.186	1.295	0.245	0.297	0.005	0.147
n 7	0.098	6.332*	2.658	3.785	5.403	1.845	0.882

Clusters	Regulatory processes and properties****, t and p-value						
	PG	MSC	PA	ER	FL	RL	PC
n 3							
n 4	19.976***	7.133**	24.485***	11.161***	68.426***	1.533	55.463***
n 5	14.640***	2.093	8.992**	1.447	41.630***	3.283	24.467***
n 6	4.649*	6.681**	1.102	0.569	10.619***	0.147	6.299*
n 7	4.911*	0.003	2.159	2.438	23.691***	0.500	10.633***
n 4							
n 5	0.896	3.972*	8.132**	7.486**	6.735**	0.12	14.239***
n 6	4.765*	0.119	19.625***	19.256***	27.527***	2.811	26.763***
n 7	4.726*	12.893***	19.179***	4.240*	23.062***	0.622	27.688***
n 5							
n 6	2.185	3.695	3.930*	5.289*	9.773**	4.941*	4.180*
n 7	1.993	3.774	3.179	0.184	4.935*	1.791	3.500
n 6							
n 7	0.006	10.663***	0.106	5.613	1.899	1.291	0.208

* $p \leq 0.05$, ** $p \leq 0.01$, *** $p \leq 0.001$

****PG — Planning goals, MSC — Modeling significant conditions, PA — Programming actions, PR — Evaluating results, FL — Flexibility, RL — Reliability, PC — Persistence

В сравнении со всеми кластерами наибольшее число особенностей регуляторных процессов и свойств обнаружено по всем шкалам у первого, наименьшее — у седьмого кластеров. В целом, высокий уровень статистически значимых различий между кластерами наблюдается у личностно-регуляторных свойств — гибкости и настойчивости, а также у процессов программирования действий, при этом различия надежности и оценивания результатов в выборке минимальны.

По полу обнаружены статистические значимые различия (критерий t-Стьюдент), означающие большую выраженность у юношей надежности ($t = -4,376$, при $p = 0,000$); а у девушек — программирования действий ($t = 3,204$, при $p = 0,001$), по другим шкалам в разрезе пола (критерий t-Стьюдент, H-критерий Краскала — Уоллиса) статистически значимых различий не выявлено ($t = -0,468$, при $p = 0,64$; моделирование $H = 0,168$, при $p = 0,681$; оценивание результатов $H = 2,923$, при $p = 0,087$ и настойчивость $H = 1,393$, при $p = 0,238$).

В целом, несмотря на выявленные различия выраженности регуляторных процессов и свойств молодежи в разрезе кластеров и пола, для саморегуляции поведения респондентов установлена типичная для большинства кластеров конфигурация саморегуляции, включающая настойчивость и программирование действий, а также гибкость. Остальные показатели саморегуляции не входят в тройку лидеров ни в одном кластере, при этом надежность занимает последнюю позицию.

Обсуждение результатов

Результаты исследования профиля саморегуляции и социальной активности молодежи и их связей согласуются с данными, свидетельствующими о преобладании у молодежи вовлеченности в досуговые формы активности, что характеризует их активность как носящую индивидуалистический характер (Пилипенко, 2020) со стремлением к самореализации и самопрезентации (Костина, Орлова, 2022). Наше исследование также подтвердило низкий интерес молодых людей к политической и религиозной формам активности и протестной деятельности.

Саморегуляция в целом усиливает включенность в формы социальной активности, хотя с учетом пола результаты и не столь выражены, но согласуются с представлениями о саморегуляции как о процессе по построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности (Зинченко, Моросанова, 2020; Зубок, Чупров, 2020). При этом для общественно-политической и другой социально значимой деятельности характеристики саморегуляции вероятно не так важны в силу ее неприоритетного характера для самих молодых людей.

Программирование, являясь наиболее выраженным процессом саморегуляции у молодежи в выборке в целом, а также с учетом региона и пола, наряду моделированием больше связаны с участием в различных формах социальной активности, чем личностно-регуляторные свойства (за исключением настойчивости, также входящей в топ 3 регулятор-

ных процессов и свойств профиля саморегуляции молодежи). Это подтверждает выдвинутую гипотезу о роли саморегуляции в вовлеченности в социальную активность учащейся молодежи. Интересно отметить большую значимость саморегуляции для социальной активности девушек, чем для юношей. При этом социальная активность у мужского пола в большей степени детерминирована внутренними мотивами и убеждениями с меньшей ориентацией на внешнюю необходимость.

Выводы

Итак, для молодежи характерен доминирующий стиль саморегуляции поведения в разном соотношении трех регуляторных свойств и процессов. При этом пара настойчивость — программирование действий лидирует во всех кластерах, гибкость — на третьем месте (кроме кластера 3). Установлена большая выраженность надежности у юношей и программирования действий — у девушек.

Выявленный профиль саморегуляции скорее типичен для данной социальной категории в целом и обусловлен полом и возрастом, вне зависимости от региона проживания. Для молодых людей характерны последовательность в действиях, потребность продумывать способы своих действий и поведения для достижения намеченных целей, при этом возможная ригидность в ситуации необходимости отказаться от принятого решения может компенсироваться пластичностью регуляторных процессов, способностью перестраивать планы и программы исполнительских действий и поведения, адекватно реагируя на изменения.

Однако, качество и эффективность саморегуляции неустойчивы и могут снижаться в психологически сложных условиях и неблагоприятных обстоятельствах, о чем свидетельствует низкий уровень выраженности надежности в профиле саморегуляции молодежи.

В целом, характеристики саморегуляции важны для социальной активности молодежи, особенно для досуговых мероприятий, клубной и кружковой деятельности, а также спонтанных событий, имея большее значение для организации активностей, чем для участия в них. При этом ключевую роль из регуляторных процессов играет программирование, из личностно-регуляторных свойств — настойчивость, связанные с готовностью молодежи включаться в коммуникации и взаимодействия как в роли участников, так и организаторов.

Практическое применение

Психологические и личностно-регуляторные характеристики и работа с ними важны для безопасности и благополучия молодежи, которые, в свою очередь, обеспечивают вовлеченность в социальную активность. Гармоничная саморегуляция способствует восприятию среды как более безопасной и способствующей развитию, помогает эффективной и своевременной корректировке поведения при изменении внешних и внутренних условий. Роль саморегуляции как непосредственного предиктора социальной активности планируется уточнить не только с учетом оценки связи и эффектов регуляторных процессов и свойств, но и влияния комплекса факторов на вовлеченность в различные роли и формы активности молодежи.

Список литературы

- Айзенк, Г., Вильсон, Г. (2000). Как измерить личность. Москва: Изд-во Когито-Центр.
- Зинченко, Ю.П., Моросанова, В.И. (ред). (2020). Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени: коллективная монография. Москва: Изд-во Психологический институт Российской академии образования.
- Зубок, Ю.А., Чупров, В.И., Любутов, А.С., Сорочкин, О.В. (2021). Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования. *Вестник Института социологии*, 12(3), 79–98. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.738>
- Костина, Е.Ю., Орлова, Н.А. (2022). Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодежи. *Вестник Института социологии*, 13(1), 129–143. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.1.778>
- Моросанова, В.И., Кондратюк, Н.Г. (2020). Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ 2020». *Вопросы психологии*, (4), 155–167.
- Пилипенко, А.Э. (2020). Структурные компоненты социальной активности российской студенческой молодежи (на примере Ростовской области). *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, (3), 273–278.
- Савченко, Т.Н. (2008). Применение методов кластерного анализа для анализа данных психологических исследований. *Прикладная юридическая психология*, (4), 100–111.
- Усова, Н.В. (2019). Социально-демографические детерминанты направленности социальной активности современной молодежи. *Ученые записки Ростовского государственного социального университета*, 18, 2(151), 15–22. <https://doi.org/10.17922/2071-2019-18-2-15-22>
- Фетискин, Н.П., Козлов, В.В., Мануйлов, Г.М. (2002). Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. Москва: Изд-во Института Психотерапии.
- Шамянов, Р.М. (2020). Соотношение социальной активности и удовлетворенности базовых психологических потребностей, субъективного благополучия и социальной фрустрированности молодежи. *Сибирский психологический журнал*, (77), 176–195. <https://doi.org/10.17223/17267080/77/9>

- Щемелева, И.И. (2019). Социальная активность студенческой молодежи: факторный и кластерный анализ. *Социологические исследования*, (4), 133–141. <https://doi.org/10.31857/S013216250004594-6>
- Arslan, G. (2018). School-Based Social Exclusion, Affective Wellbeing, and Mental Health Problems in Adolescents: A Study of Mediator and Moderator Role of Academic Self-Regulation. *Child Indicators Research*, 11(3), 963–980. <https://doi.org/10.1007/s12187-017-9486-3> (access date: 28.08.2022).
- Bauer, K.W., Hilliard, M.E., Albright, D., Lo, S.L., Fredericks, E.M., Miller, A.L. (2020). The Role of Parent Self-Regulation in Youth Type 1 Diabetes Management. *Current Diabetes Reports*, 20(8), 37. <https://doi.org/10.1007/s11892-020-01321-z> (access date: 28.08.2022).
- Bubnovskaia, O.V., Leonidova, V.V., Oralova, I.A. (2020). The relationship between psychological safety and student engagement considering the peculiarities of their self-regulation. In: V.I. Morosanova, T.N. Banshchikova, M.L. Sokolovskii (Eds.), *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS* (pp. 226–236), Stavropol: European Publisher. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.04.29> (access date: 20.05.2022).
- Choi, K.S., Cho, S., Lee, J.R. (2019). Impacts of online risky behavior and cybersecurity management on cyberbullying and traditional bullying victimization among Korean youth: Application of cyber-routine activities theory with latent class analysis. *Computers in Human Behavior*, (100), 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.06.007> (access date: 20.05.2022).
- Fine, A., Baglivio, M.T., Cauffman, E., Wolff, K.T., Piquero, A.R. (2018). Does the Effect of Self-Regulation on Adolescent Recidivism Vary by Youths' Attitudes? *Criminal Justice and Behavior*, 45(2), 214–233. <https://doi.org/10.1177/0093854817739046> (access date: 28.08.2022).
- Gestsdottir, S., Geldhof, G.J., Birgisdóttir, F., Andrésdóttir, J.C. (2022). Intentional Self-Regulation and Executive Functions: Overlap and Uniqueness in Predicting Positive Development Among Youth in Iceland. *The Journal of Early Adolescence*. <https://doi.org/10.1177/02724316221113355> (access date: 28.08.2022).
- Gomez-Baya, D., Tomé, G., Reis, M., Gaspar de Matos, M. (2020). Long-Term Self-Regulation Moderates the Role of Internal Resources for Resilience in Positive Youth Development in Portugal. *Journal of Genetic Psychology*, 181(2–3), 127–149. <https://doi.org/10.1080/00221325.2020.1735986> (access date: 28.08.2022).
- Lee, W., Jones, G.J., Hyun, M., Funk, D.C., Taylor, E.A., Welty Peachey, J. (2021). Development and transference of intentional self-regulation through a sport-based youth development program. *Sport Management Review*, 24(5), 770–790. <https://doi.org/10.1080/14413523.2021.1907973> (access date: 28.08.2022).
- Linver, M.R., Urban, J.B., Chen, W.L., Gama, L., Swomley, V.I. (2021). Predicting Positive Youth Development from Self-Regulation and Purpose in Early Adolescence. *Journal of Research on Adolescence*. <https://doi.org/10.1111/jora.12621> (access date: 28.08.2022).
- Low, S. (2017). Security at home: How private securitization practices increase state and capitalist control. *Anthropol. Theory*, (17), 365–381. <https://doi.org/10.1177/1463499617729297> (access date: 28.08.2022).
- Mertens, E.C.A., Deković, M., van Londen, M., Reitz, E. (2022). Parallel Changes in Positive Youth Development and Self-awareness: the Role of Emotional Self-regulation, Self-esteem, and Self-reflection. *Prevention Science*, 23(4), 502–512. <https://doi.org/10.1007/s11121-022-01345-9> (access date: 28.08.2022).
- Napolitano, C.M., Hoff, K.A., Ming, C.W.J., Tu, N., Rounds, J. (2020). Great expectations: Adolescents' intentional self-regulation predicts career aspiration and expectation consistency. *Journal of Vocational Behavior*, (120). <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2020.103423> (access date: 28.08.2022).
- Palacios-Barrios, E.E., Hanson, J.L. (2019). Poverty and self-regulation: Connecting psychosocial processes, neurobiology, and the risk for psychopathology. *Comprehensive Psychiatry*, (90), 52–64. <https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2018.12.012> (access date: 28.08.2022).
- Peters, B.C., Pan, Z., Christensen, H., Gabriels, R.L. (2022). Self-Regulation Mediates Therapeutic Horseback Riding Social Functioning Outcomes in Youth With Autism Spectrum Disorder. *Front. Pediatr.*, (10), 884054. <https://doi.org/10.3389/fped.2022.884054> (access date: 28.08.2022).
- Shafiq, S., Batool, S. (2022). Bullying, Victimization, Rejection Sensitivity, and Self-regulation in Positive Development of Adolescents. *Journal of the Liaquat University of Medical and Health Sciences*, 21(1), 55–59. <https://doi.org/10.22442/jlumhs.2022.00883> (access date: 28.08.2022).
- Song, H.H., Lee, D.J. (2021). Structural relationship between Korean adolescent's sports participation, optimism, pessimism, self-regulation, and coronavirus-related stress in the pandemic situation. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(20). <https://doi.org/10.3390/ijerph182010645> (access date: 28.08.2022).
- Valenzuela, R., Codina, N., Castillo, I., Pestana, J.V. (2020). Young University Students' Academic Self-Regulation Profiles and Their Associated Procrastination: Autonomous Functioning Requires Self-Regulated Operations. *Frontiers in Psychology*, (11). <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00354> (access date: 28.08.2022).
- Vander Weele, T.J., Trudel-Fitzgerald, C., Allin, P.V., Farrelly, C., Fletcher, G., Frederick, D.E., Hall, J., Helliwell, J.F., Kim, E.S., Lauinger, W.A., Lee, M.T., Lyubomirsk, S., Margolis, S., McNeely, E., Messer, N.G., Tay, L., Viswanath, K.V., Węziak-Białowolska, D., Kubzansky, L.D. (2021). Current recommendations on the selection of measures for well-being. In: *Measuring Well-Being* (pp. 501–520). Oxford: Oxford University Press.
- Yeo, A.J., Germán, M., Wheeler, L.A., Camacho, K., Hirsch, E., Miller, A. (2020). Self-harm and self-regulation in urban ethnic minority youth: a pilot application of dialectical behavior therapy for adolescents. *Child and Adolescent Mental Health*, 25(3), 127–134. <https://doi.org/10.1111/camh.12374> (access date: 28.08.2022).
- Zubok, J.A., Chuprov, V.I., Lyubutov, A.S., Sorokin, O.V. (2021). Self-regulation of life of the youth: structural-taxonomic modeling. *Sotsiologicheskie Issledovaniya (Sociological Studies)*, (10), 23–36. <https://doi.org/10.31857/S013216250014766-5> (access date: 28.08.2022).
- Zubok, J.A., Chuprov, V.I. (2020). Youth life strategies: Implementation of expectations and social moods. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny*, (3), 14–41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602> (access date: 28.08.2022).

References

- Arslan, G. (2018). School-Based Social Exclusion, Affective Wellbeing, and Mental Health Problems in Adolescents: A Study of Mediator and Moderator Role of Academic Self-Regulation. *Child Indicators Research*, 11(3), 963–980. <https://doi.org/10.1007/s12187-017-9486-3> (access date: 28.08.2022).
- Bauer, K.W., Hilliard, M.E., Albright, D., Lo, S.L., Fredericks, E.M., & Miller, A.L. (2020). The Role of Parent Self-Regulation in Youth Type 1 Diabetes Management. *Current Diabetes Reports*, 20(8), 37. <https://doi.org/10.1007/s11892-020-01321-z> (access date: 28.08.2022).
- Bubnovskaia, O.V., Leonidova, V.V., Oralova, I.A. (2020). The relationship between psychological safety and student engagement considering the peculiarities of their self-regulation. In: V.I. Morosanova, T.N. Bانشchikova, M.L. Sokolovskii (Eds.), *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS* (pp. 226–236), Stavropol: European Publisher. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.04.29> (access date: 20.05.2022).
- Choi, K.S., Cho, S., Lee, J.R. (2019). Impacts of online risky behavior and cybersecurity management on cyberbullying and traditional bullying victimization among Korean youth: Application of cyber-routine activities theory with latent class analysis. *Computers in Human Behavior*, (100), 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.06.007> (access date: 20.05.2022).
- Eysenck, G., Wilson, G. (2000). How to measure personality. Moscow: Kogito-Center (In Russ.).
- Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V., Manuilov, G.M. (2002). Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups. Moscow: Publ. House of the Institute of Psychotherapy (In Russ.).
- Fine, A., Baglivio, M.T., Cauffman, E., Wolff, K.T., Piquero, A.R. (2018). Does the Effect of Self-Regulation on Adolescent Recidivism Vary by Youths' Attitudes? *Criminal Justice and Behavior*, 45(2), 214–233. <https://doi.org/10.1177/0093854817739046> (access date: 28.08.2022).
- Gestsdottir, S., Geldhof, G.J., Birgisdóttir, F., Andrésdóttir, J.C. (2022). Intentional Self-Regulation and Executive Functions: Overlap and Uniqueness in Predicting Positive Development Among Youth in Iceland. *The Journal of Early Adolescence*. <https://doi.org/10.1177/02724316221113355> (access date: 28.08.2022).
- Gomez-Baya, D., Tomé, G., Reis, M., Gaspar de Matos, M. (2020). Long-Term Self-Regulation Moderates the Role of Internal Resources for Resilience in Positive Youth Development in Portugal. *Journal of Genetic Psychology*, 181(2–3), 127–149. <https://doi.org/10.1080/00221325.2020.1735986> (access date: 28.08.2022).
- Kostina, E.Y., Orlova, N.A. (2022). Social activity and social responsibility in the ideas and practices of modern youth. *Vestnik Instituta Sotziologii (Bulletin of the Institute of Sociology)*, 13(1), 129–143. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.1.778> (access date: 28.08.2022). (In Russ.).
- Lee, W., Jones, G.J., Hyun, M., Funk, D.C., Taylor, E.A., Welty Peachey, J. (2021). Development and transference of intentional self-regulation through a sport-based youth development program. *Sport Management Review*, 24(5), 770–790. <https://doi.org/10.1080/14413523.2021.1907973> (access date: 28.08.2022).
- Linver, M.R., Urban, J.B., Chen, W.L., Gama, L., Swomley, V.I. (2021). Predicting Positive Youth Development from Self-Regulation and Purpose in Early Adolescence. *Journal of Research on Adolescence*. <https://doi.org/10.1111/jora.12621> (access date: 28.08.2022).
- Low, S. (2017). Security at home: How private securitization practices increase state and capitalist control, *Anthropol. Theory*, (17), 365–381. <https://doi.org/10.1177/1463499617729297> (access date: 28.08.2022).
- Mertens, E.C.A., Deković, M., van Londen, M., Reitz, E. (2022). Parallel Changes in Positive Youth Development and Self-awareness: the Role of Emotional Self-regulation, Self-esteem, and Self-reflection. *Prevention Science*, 23(4), 502–512. <https://doi.org/10.1007/s11211-022-01345-9> (access date: 28.08.2022).
- Morosanova, V.I., Kondratyuk, N.G. (2020). V.I. Morosanova's "Self-regulation profile questionnaire — SRPQM 2020". *Voprosy psikhologii*, (4), 155–167. (In Russ.).
- Napolitano, C.M., Hoff, K.A., Ming, C.W.J., Tu, N., Rounds, J. (2020). Great expectations: Adolescents' intentional self-regulation predicts career aspiration and expectation consistency. *Journal of Vocational Behavior*, (120). <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2020.103423> (access date: 28.08.2022).
- Palacios-Barrios, E.E., Hanson, J.L. (2019). Poverty and self-regulation: Connecting psychosocial processes, neurobiology, and the risk for psychopathology. *Comprehensive Psychiatry*, (90), 52–64. <https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2018.12.012> (access date: 28.08.2022).
- Peters, B.C., Pan, Z., Christensen, H., Gabriels, R.L. (2022). Self-Regulation Mediates Therapeutic Horseback Riding Social Functioning Outcomes in Youth with Autism Spectrum Disorder. *Front. Pediatr*, (10), 884054. <https://doi.org/10.3389/fped.2022.884054> (access date: 28.08.2022).
- Pilipenko, A.E. (2020). Structural components of social activity of Russian student youth (using the example of the Rostov region). *Gosudarstvennoe i Munitsipal'noe Upravlenie. Uchenye Zapiski (State and Municipal Management Scholar Notes)*, (3), 273–278. (In Russ.).
- Shafiq, S., Batoool, S. Bullying, Victimization, Rejection Sensitivity, and Self-regulation in Positive Development of Adolescents (2022). *Journal of the Liaquat University of Medical and Health Sciences*, 21(1), 55–59. <https://doi.org/10.22442/jlumhs.2022.00883> (access date: 28.08.2022).
- Savchenko, T.N. (2008). Application of cluster analysis methods for the analysis of psychological research data. *Prikladnaja Juridicheskaja Psihologija (Applied Legal Psychology Scientific Journal)*, (4), 100–111. (In Russ.).
- Shamionov, R.M. (2020). The Ratio of Social Activity and Satisfaction of Basic Psychological Needs, Subjective Well-being and Social Frustration of Young People. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Psychology)*, (77), 176–195. <https://doi.org/10.17223/17267080/77/9> (access date: 28.08.2022). (In Russ.).
- Shchemeleva, I.I. (2019). Social activity of the student youth: factor and cluster analysis. *Sotsiologicheskie Issledovaniia (Sociological Studies)*, (4), 133–141. <https://doi.org/10.31857/S013216250004594-6> (access date: 28.08.2022). (In Russ.).
- Song, H.H., Lee, D.J. (2021). Structural relationship between Korean adolescent's sports participation, optimism, pessimism, self-regulation, and coronavirus-related stress in the pandemic situation. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(20). <https://doi.org/10.3390/ijerph182010645> (access date: 28.08.2022).

Usova, N.V. (2019). Socio-Demographic Determinants of the Orientation of the Social Activity of Modern Youth. *Uchenye Zapiski Rossijskogo Gosudarstvennogo Social'nogo Universiteta (Scientific Notes of Russian State Social University)*, 18, 2(151), 15–22. <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2019-18-2-15-22> (access date: 28.08.2022). (In Russ.).

Valenzuela, R., Codina, N., Castillo, I., Pestana, J.V. (2020). Young University Students' Academic Self-Regulation Profiles and Their Associated Procrastination: Autonomous Functioning Requires Self-Regulated Operations. *Frontiers in Psychology*, (11). <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00354> (access date: 28.08.2022).

VanderWeele, T.J., Trudel-Fitzgerald, C., Allin, P.V., Farrelly, C., Fletcher G., Frederick, D.E., Hall, J., Helliwell, J.F., Kim, E.S., Lauinger, W.A., Lee, M.T., Lyubomirsky, S., Margolis, S., McNeely, E., Messer, N.G., Tay L., Viswanath, K.V., Węziak-Białowolska, D., Kubzansky, L.D. (2021). Current recommendations on the selection of measures for well-being. In: *Measuring Well-Being* (pp. 501–520). Oxford: Oxford University Press.

Yeo, A.J., Germán, M., Wheeler, L.A., Camacho, K., Hirsch, E., Miller, A. (2020). Self-harm and self-regulation in urban ethnic minority youth: a pilot application of dialectical behavior therapy for adolescents. *Child and Adolescent Mental Health*, 25(3), 127–134. <https://doi.org/10.1111/camh.12374> (access date: 28.08.2022).

Zinchenko, Y.P., Morosanova, V.I. (Eds.) (2020). *Psychology of self-regulation: evolution of approaches and challenges of the time: A collective monograph*. Moscow: RAE. (In Russ.).

Zubok, J.A., Chuprov, V.I. (2020). Youth life strategies: Implementation of expectations and social moods. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny*, (3), 14–41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602> (access date: 28.08.2022).

Zubok, J.A., Chuprov, V.I., Lyubutov, A.S., Sorokin, O.V. (2021). Self-regulation of life of the youth: structural-taxonomic modeling. *Sotsiologicheskie Issledovaniya (Sociological Studies)*, (10), 23–36. <https://doi.org/10.31857/S013216250014766-5> (access date: 28.08.2022).

Zubok, J.A., Chuprov, V.I., Lyubutov, A.S., Sorokin, O.V. (2021). Life positions in self-regulation of life activity of the youth. *Vestnik Instituta Sotziologii (Bulletin of the Institute of Sociology)*, 12(3), 79–98. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.738> (access date: 28.08.2022). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Олеся Владимировна Бубновская, кандидат психологических наук, заведующая лабораторией междисциплинарных исследований безопасности и риска, доцент департамента менеджмента и предпринимательства Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Российская Федерация, bubnovskaia.ov@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2099-7867>

Olesia V. Bubnovskaia, Cand. Sci. (Psychology), Head of the Research Laboratory for Interdisciplinary Safety and Risk Studies, Associate Professor at the Department of Entrepreneurship and Management at the School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, bubnovskaia.ov@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2099-7867>

Виталий Владимирович Калита, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования факультета социально-гуманитарных технологий Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), Москва, Российская Федерация, 700200@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0812-4254>

Vitaly V. Kalita, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Pedagogy and Psychology of Vocational Education, Faculty of Social and Humanitarian Technologies, Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky, Moscow, Russian Federation, 700200@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0812-4254>

Александра Владимировна Лысова, доктор социологических наук, профессор Школы криминологии Университета Саймона Фрейзера, Ванкувер, Канада, alexandra_lysova@sfu.ca, <https://orcid.org/0000-0001-5742-1752>

Alexandra V. Lysova, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the School of Criminology, Simon Fraser University, Vancouver, Canada, alexandra_lysova@sfu.ca, <https://orcid.org/0000-0001-5742-1752>

Максим Леонидович Соколовский, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра психологического сопровождения личностно-профессионального развития Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Российская Федерация, psypro@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2524-2500>

Maksim L. Sokolovskii, Cand. Sci. (Psychology), Leading Researcher at the Scientific and Educational Center for Psychological Support of Personal and Professional Development, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation, msokolovskii@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2524-2500>

Поступила: 01.09.2022; получена после доработки: 25.01.2023; принята в печать: 16.01.2024.

Received: 01.09.2022; revised: 25.01.2023; accepted: 16.01.2024.